

УДК 930.1

А. К. Писанова

Петербургский государственный университет путей сообщения

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНЕГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Представлены результаты историографического анализа важнейших этапов реформирования высшего профессионального образования в России на рубеже XX–XXI вв.

государственная политика в сфере образования, модернизация, высшая школа, реформы, вузовская интеллигенция, учебно-воспитательный процесс.

Введение

К середине 80-х гг. XX в. стало очевидно, что высшая школа в СССР остро нуждается в реформировании. В период перестройки (1985–1991) высказывалось немало дельных предложений о путях реформирования высшего образования, но дальше некоторых очень осторожных шагов и пространных разговоров дело не пошло.

В постсоветской России началось реальное реформирование различных сторон вузовской жизни, а в 2000 г. была принята программа модернизации всей системы образования, включая высшее звено. Показательно, но модернизация как стратегическая цель в масштабах всей страны была провозглашена лишь 12 ноября 2009 г. в послании Президента Д. А. Медведева.

К настоящему времени в реформировании системы высшего образования, по мнению многих экспертов, наметился кризис, активизировались споры о путях развития отечественной высшей школы. Отечественная историография накопила значительный объем материала, анализ которого необходим для того, чтобы понять, какое будущее ждет вузы страны, какие специалисты нужны для успешного осуществления задач модернизации.

1 Российская историография о реформировании отечественной высшей школы в 90-е гг.

Председатель Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию, доктор технических наук, профессор, академик Российской академии образования В. Г. Кинелёв связывает начало четвёртого этапа реформирования высшей школы России (начиная с 1917 г.) с работой первого Съезда народных депутатов РСФСР. Этот съезд 12 июня 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете [1]. Постановлением Совета Министров РСФСР № 314 от 17 августа 1990 г. и постановлением Правительства № 119 от 23 февраля 1991 г. было утверждено Временное положение, регламентировавшее деятельность учреждений (организаций) системы образования и подготовки кадров [2]. «В высшую школу возвращались принципы автономии и самоуправления, которых она была лишена в течение многих десятилетий. Временным положением о государственном высшем учебном заведении впервые в нашей практике признано право вузов зарабатывать средства за счет реализации своей научной и товарной продукции, предоставления услуг населению, а

также тратить их на свои нужды», – отмечал В. Г. Кинелёв [3].

С начала 90-х гг. был взят курс на дерегулирование системы высшего образования. Много говорилось о повышении автономности образовательных учреждений, о расширении свободы выбора. Реальностью стало уменьшение объемов государственного финансирования. С преподаванием в высшей школе распрощалось большое число ассистентов и доцентов, педагогов младшего и среднего возраста, которые не видели для себя перспективы в стенах высших учебных заведений. Престиж профессии преподавателя университета, вуза упал катастрофически. В разгар нэпа в 1923–1925 гг. профессора вузов мечтали об окладе машинистки в хозрасчетных трестах. В 90-х гг. XX в. средняя зарплата петербургских профессоров была ниже, чем у уборщиц метро.

У значительной части профессорско-преподавательского состава, который не без энтузиазма начал участвовать в разработке программы реформирования высшей школы ещё во второй половине 80-х гг., в начале 90-х гг., по мнению Н. И. Фещенко, возникли сомнения и настороженность. «Во-первых, следует отметить сомнение относительно целей реформы. Является ли таковой официально декларированное стремление к повышению качества подготовки специалистов, повышению мобильности вузовской системы, созданию возможности выбора различных форм и уровней образования и т. д. или за этим кроется попытка сэкономить на высшей школе, сведя массовую подготовку специалистов с пяти до четырех лет и оставив лишь небольшую “элитную” и в основном платную форму в виде магистратуры». В качестве второго тревожного обстоятельства названо копирование американской системы подготовки специалистов. При этом в Европе единая система вузовского образования ориентировалась на германские университеты [4].

Начавшаяся в 90-е гг. реструктуризация вузовской системы проходила в условиях высокого спроса на высшее образование со стороны семей, в которых дети появились еще

в советский период в условиях достаточно высокого уровня рождаемости.

«В Москве новые вузы создавались путем выселения семей под разными предлогами из жилых зданий добротной постройки в менее комфортные... Создавались новые вузы в зданиях бывших административных органов, детских яслей и садилов. Большинство вузов, созданных в годы советской власти, перешли в частную собственность воровкратии», – жёстко характеризовал ситуацию И. М. Бондарев [5].

Положение дел в высшей школе к концу 90-х гг. было тяжёлым, что получило адекватную и объективную оценку в профессиональном сообществе. «Власть и наука, власть и образование, власть и культура говорят на разных языках», – с горечью констатировал ректор Московского государственного университета В. А. Садовничий [6]. Его поддержали многие участники V съезда ректоров российских вузов (27 июня 1998 г.), предложившего принять национальную доктрину образования.

В результате реформ 90-х гг. высшее образования оказалось в сложной ситуации, которая была проанализирована сотрудниками Научно-исследовательского института высшего образования Министерства образования Российской Федерации. Авторы указали на то, что на 1998 г. правительство утвердило минимально гарантированные лимиты бюджетных обязательств – на 26,6% меньше, чем было предусмотрено законом [7].

В монографии П. П. Фролкина говорится о том, что объемы ассигнований на нужды образования в 1992–1999 гг. сократились примерно в 5 раз в текущих ценах, а в сопоставимых ценах произошло двадцатикратное сокращение. Кризисные явления лишь усугубились. Главной причиной затяжного кризиса и новых проблем в сфере высшего образования П. П. Фролкин назвал утрату приоритетного положения высшего образования и науки в политике государства. За 90-е гг. финансирование вузовской науки в стране сократилось в 10 раз. «Решения по проведению реформы высшего образования и науки зачастую принимались аппаратными

ми методами, без широкого обсуждения научной общественностью. Идеология проведения реформы в этих сферах была очень проста: рынок все автоматически расставит по местам. Эта посылка привела к тому, что вузовская школа и наука в ходе реформы оказались на последних местах среди всех направлений бюджетного финансирования. Наука и высшая школа стали выглядеть как бесполезная нагрузка на народное хозяйство в условиях экономического кризиса, как один из источников экономии государственных расходов» [8].

В апреле 1998 г. в ответ на очередные планы «реформирования» высшей школы преподаватели и студенты вышли на площади Москвы, Санкт-Петербурга и многих других «студенческих» городов. Руководству страны пришлось вновь обратиться к проблемам высшей школы, которые за 90-е гг. стали ещё более острыми.

2 Модернизация высшего образования России в 2000-е гг. в отечественной историографии

По многим оценкам, сфера образования в России в обстановке радикальных рыночных реформ проявила исключительные способности к выживанию. Не будет большим преувеличением утверждать, что состояние конкретных высших учебных заведений к началу 2000-х гг. в решающей степени зависело от субъективного фактора – от энергии и авторитета ректоров, от активности деканов факультетов и заведующих кафедрами, от работоспособности и готовности потерпеть до лучших времен большей части профессоров и преподавателей. Меньшая часть научно-педагогических работников в 90-е гг. пополнила ряды чиновников разного уровня, формировавшегося предпринимательского класса. Часть педагогов в усложнившихся условиях предпочла уйти на пенсию, занявшись огородом, детьми и внуками.

Исследователи, несмотря на общую критическую оценку «лихих» 90-х, в целом положительно оценили некоторые новации.

Так, число университетов в России выросло с 48 в 1992 г. до 300 в 2000 г. По мнению А. И. Авруса, части из вновь открытых университетов удалось сочетать черты классического и современного образования, но в большинстве случаев преобразование университетов носило чисто формальный характер и породило немало проблем [9].

Положительную оценку реорганизации педагогических институтов в педагогические университеты дала в своей диссертации О. А. Князева. «Педагогические университеты развивали новые образовательные технологии с учетом национальной и региональной специфики. Ряд учебных заведений приступил к созданию многоуровневой подготовки специалистов, предусматривающей различные сроки получения образования и различный уровень квалификации. В результате реализации новых подходов и инноваций в системе образования расширилась номенклатура специальностей, появились специалисты новых профилей», – отмечает О. А. Князева [10].

Реальные перспективы модернизации высшей школы открывала трансформация российских технических университетов в университетские учебно-научно-инновационные комплексы [11].

С. Б. Никитина в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук выделила пять этапов становления государственной политики в сфере реформирования высшей школы Российской Федерации. По мнению исследователя, с 2001 г. начался очередной период реформирования системы высшего образования. Стало улучшаться финансирование высшего профессионального образования. Были утверждены Национальная доктрина образования в Российской Федерации и Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ в декабре 2001 г. С. Б. Никитина выявила следующие тенденции в развитии ВПО:

– сохранение важной роли государственного бюджета в финансировании государственных вузов;

– сохранение ведущей роли государства в сфере ВПО, несмотря на углубление вузовской автономии;

– усиление международного сотрудничества и стремления России стать полноправным партнером в сообществе развитых государств, влияющих на государственную образовательную политику.

В качестве основных направлений реформирования высшей школы С. Б. Никитина назвала:

– систематическое обновление содержания образования, повышение его качества;

– изменение методов обучения;

– разработку новых государственных образовательных стандартов ВПО;

– обеспечение доступности ВПО;

– развитие системы негосударственного образования;

– интеграцию в европейское образовательное пространство;

– информатизацию и индивидуализацию образовательного процесса;

– расширение участия общества в управлении образованием;

– совершенствование законодательной базы, повышение инвестиционной привлекательности сферы образования [12].

В современном научном сообществе России адекватно понимают состояние, проблемы, противоречия в развитии высшего образования. Есть понимание того, что не стоит «изобретать велосипед» и искать какой-то свой, особый специфически российский путь реформирования высшей школы.

Если к концу советского периода было распространено мнение о безусловных преимуществах советской высшей школы и литературы о зарубежном опыте было немного, то в постсоветский период произошло значительное усиление интереса к состоянию высшего образования в ведущих странах мира, к основным тенденциям развития в этом секторе [13].

В России, как и в других странах, внедряются новые информационно-коммуникационные технологии, опережающими темпами развивается дистанционное обучение. Наблюдается универсализация высшей школы,

стираются грани между профессионально ориентированным и классическим университетским секторами высшего образования. Высшая школа России развивается в целом в русле общемировых тенденций. Так считают авторы содержательного аналитического обзора [14].

«Российское высшее образование в целом повторяет мировой тренд перехода от высшей школы индустриального образца к высшей школе постиндустриальной эпохи. Данный период не является абсолютной и радикальной сменой всех принципов деятельности традиционных вузов. Индустрия в постиндустриальном обществе не исчезает. Она просто обретает новую организацию. Последовательность технических операций, собранных в единый технологический комплекс и зачастую на одной производственной площадке, разорвалась. Сами операции стали распределяться между различными субъектами уже не национального, а глобального хозяйства. От индустриально-сосредоточенного производства и общества мир двинулся в сторону индустриально-рассредоточенного. Если прежде главной организационной единицей производства была фабрика или завод, обеспечивающие выпуск изделия, то такой единицей для постиндустриального общества становится компания, владеющая технологией производства и способная его организовать, наиболее эффективно распределив отдельные технологические операции между разными фабриками и заводами.

Различие между индустриальным и постиндустриальным обществом определяет различие между профессиональным высшим образованием XIX–XX веков и современной высшей школой» [15].

Развертывание модернизации российского образования, высшей школы в частности, с самого начала привлекало внимание не только широкой общественности, но и специалистов самых разных областей знания. Многие внедряемые положения вызвали широкую дискуссию, подверглись критике. Так, достаточно быстро обнаружилась явная искусственность и противоречивость ряда количественных и качественных показателей,

которые стали предъявляться вузам в периоды аттестации и лицензирования.

«Существует несоответствие в нормативных требованиях к открытию специальностей послевузовской подготовки и нормативных требований к лицензированию специальностей в части обеспеченности специальностей педагогическими кадрами.

Так, например, чтобы лицензировать новую специальность, необходимо обеспечить блок специальных дисциплин квалифицированными кадрами – для университета не менее 60% специалистов с учеными степенями и званиями. Следовательно, вуз заинтересован в опережающей подготовке научно-педагогических кадров. Однако открытие аспирантуры и докторантуры связывается с наличием специальностей по основной образовательной программе. Таким образом, круг замыкается», – констатировали одну из многих неувязок в нововведениях авторы содержательной монографии [16].

В докторском исследовании О. А. Нестерчук обращено внимание на неразрешенные противоречия, которые объясняют живучесть целого ряда недостатков в разработке и реализации государственной образовательной политики в области высшего профессионального образования. Это отсутствие научно обоснованного государственного заказа на подготовку кадров как базы для разработки и реализации эффективной стратегии функционирования системы высшего профессионального образования; недостаточная ориентированность и связь вузовской подготовки специалистов с современной социально-экономической практикой рыночных отношений; дефицит в высших учебных заведениях мобильных инновационных моделей, алгоритмов, технологий подготовки кадров, востребованных в различных системах труда, что усугубляет несоответствие отечественной системы высшего профессионального образования мировым стандартам и передовой зарубежной образовательной практике [17].

В кругах научно-педагогической общественности реформаторские усилия Министерства образования и науки Российской

Федерации, особенно в бытность министром А. А. Фурсенко (2004–2012 гг.), получили преимущественно негативную оценку.

Профессор МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Сухомлин, анализируя ход реформы высшей школы, пришел к следующим выводам: «Что же делать? Считаю необходимым добиваться следующего:

1. Проведения широкого обсуждения в обществе и профессиональной сфере итогов реформирования системы ВПО. Подготовки и проведения Всероссийского съезда работников образования и науки по этому вопросу.

2. Признания властью полного провала реформы системы образования и приостановки перевода ВПО на уровневую модель и стандарты нового поколения.

3. Привлечения к судебной ответственности реформаторов, нанеших непоправимый ущерб системе ВПО и стране» [18].

Российское общество так и не получило разъяснений относительно результатов реализации Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ в декабре 2001 г. В то же время, после завершения парламентских (декабрь 2011 г.), президентских (март 2012 г.) выборов и назначения Д. В. Ливанова новым министром высшего образования и науки Российской Федерации давление сверху на вузы возобновилось.

Заключение

Изучение отечественной историографии современного этапа развития российской высшей школы позволяет сделать некоторые выводы:

1. Вместо назревшей модернизации, реформы различных сторон жизни высшей школы, по мнению абсолютного большинства авторов, за исключением крупных чиновников и политических деятелей, произошло углубление имевшегося кризиса, в результате чего состояние российского высшего образования к 1998 г. приобрело катастрофический характер.

2. Немногочисленные, но весьма важные позитивные тенденции (расширение самостоятельности вузов в организации учебной, хозяйственной и иной деятельности, появление негосударственного сектора, внедрение компьютерных технологий и т. д.) не получали необходимых импульсов в контексте постоянного ухудшения финансового и материального обеспечения вузов.

3. От полного коллапса отечественную высшую школу спасла гражданская и патриотическая позиция той части административного и научно-педагогического корпуса, которая осталась в стране и на своих рабочих местах и сумела сдержать натиск тех, кто пытался довести реформы до логического конца.

4. Улучшение государственного финансирования и соответственно ситуации в целом в сфере высшего образования породило надежды на возможность лучшего будущего для российской высшей школы.

Библиографический список

1. **Сборник** законодательных актов РСФСР о государственном суверенитете, Союзном договоре и референдуме / Верховный Совет РСФСР. – М. : Советская Россия, 1991. – С. 3.
2. **Сборник** законодательных, правительственных и ведомственных нормативных актов : в 3 кн. Кн. 1. – М. : Госкомитет РСФСР по делам науки и высшей школы, 1992. – С. 102–104, 117, 123–133.
3. **Объективная** необходимость. История, проблемы и перспективы реформирования высшего образования России / В. Г. Кинелёв. – М. : Республика, 1995. – С. 88.
4. **Реформы** российской высшей школы второй половины XX века. Сравнительный анализ / Н. И. Фещенко // Интеллигенция России на пороге XXI века : материалы Международной научно-практической конференции (10–11 декабря 1999 г.). В 2 ч. Ч. 1. – Н. Новгород : НИИВО, 1999. – С. 274–275.
5. **История** создания системы высшего образования России / И. М. Бондарев. – М. : РОСПЭН, 2008. – С. 315.
6. **Статьи**. Выступления. Интервью: 1992–1998 гг. / В. А. Садовничий. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – С. 347–354, 471.
7. **Анализ** и оценка состояния и развития высшего и среднего профессионального образования : монография / Под ред. проф. А. Я. Савельева. – М., 2000.
8. **Развитие** вузовской науки и кадрового потенциала высшей школы (середина 80-х – 90-е годы) / П. П. Фролкин. – Саратов : Саратовский гос. ун-т, 2000. – С. 192–193.
9. **История** российских университетов : курс лекций / А. И. Аврус. – 2-е изд. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2005. – С. 152–154.
10. **Государственное** управление в сфере образования Российской Федерации (90-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. А. Князева. – М., 2007. – С. 26.
11. **Трансформация** российских университетов в учебно-научно-инновационные комплексы / В. Р. Атоян, Ю. В. Чеботаревский, Н. В. Казакова и др. ; под общей редакцией В. Р. Атояна. – Саратов : Саратовский гос. технический ун-т, 2001.
12. **Государственная** политика Российской Федерации в области высшей технической школы (1991–2008 гг.) / С. Б. Никитина : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2009. – С. 56–65.
13. **Высшее** профессиональное образование: мировые тенденции / И. Б. Федоров, С. П. Еркович, С. В. Коршунов. – М. : Наука, 1998. – С. 125–145.
14. **Анализ** мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности: аналитический обзор / Е. В. Вашурина, Н. В. Дрантусова, Я. Ш. Евдокимова, А. К. Ключев, И. А. Майбуров. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2006. – (Библиотека журнала «Университетское управление: практика и анализа»).
15. **Постиндустриальный переход** в высшем образовании России на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада РФ : доклад. – СПб. : Центр стратегических разработок, 2005. – С. 7.
16. **Качество** образования в контексте концепции модернизации российского образования : монография / Под ред. И. Г. Асадулиной. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002. – С. 95.
17. **Государственная политика** современной России в области высшего профессионального образования: тенденции и механизмы реализа-

ции / О. А. Нестерчук : автореф. дис. ... д-ра пол-лит. наук. – М., 2009. – С. 70.

18. **Итоги** реформы высшей школы. Тезисы пленарного доклада на Седьмой конферен-

ции разработчиков свободных программ. Переяславль-Залесский Ярославской области. 26 июля 2010 г. <http://forums.vif2.ru/showthread.php?t=1277>.

УДК 378.6: 656.2

В. В. Фортунатов

Петербургский государственный университет путей сообщения

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СПОРОВ

Рассматривается сложный процесс перехода от преобладания частно-хозяйственного способа строительства и эксплуатации железных дорог к установлению всеобъемлющего государственного контроля в отношении железнодорожного хозяйства. Делается вывод о том, что в дореволюционный период именно государство сыграло решающую роль в организации и финансировании железнодорожного строительства.

российские железные дороги, частное акционерное общество, государственная политика, частные и государственные инвестиции.

Введение

В 2007 г. была принята «Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 года». В этом важном документе намечено построить минимум 14 тыс. км и максимум 23 тыс. км железных дорог за 23 года. В среднем в год должны вводиться от 600 до 1000 км. В Стратегии предполагалось, что наряду с ОАО «РЖД» крупные средства в развитие сети стальных магистралей вложат частные инвесторы и местные региональные власти. Однако говорить об успешном выполнении намеченного пока не приходится.

Из отчёта ОАО РЖД за 2012 год следует, что за счет инвестиций были введены в эксплуатацию более 100 км вторых, около 100 км станционных путей, а порядка 130 км было электрифицировано [1, с. 10, 14]. Данные по частным инвестициям не приводятся.

Можно ли вообще рассчитывать на крупные частные инвестиции в строительство магистральных железных дорог? Чему нас может научить собственный опыт дореволюционного периода? Кто должен быть хозяином на железных дорогах? Попыткой ответа на эти вопросы является данная статья.

1 На какие деньги строились железные дороги в 60–70-х гг. XIX в.

Необходимость быстрее развертывания сети железных дорог показала Крымская война 1853–1856 гг., в которой Россия потерпела унижительное поражение. «Государственное управление жило в самообольщении относительно экономических ресурсов страны до тех пор, пока крымская война не доказала всю несостоятельность нашего